

ПАРЕМИИ КАК ФОРМА СИНТЕЗА СМЫСЛОВЫХ МИРОВ РУССКОЙ И КАВКАЗСКИХ КУЛЬТУР

И.М. БАЛОВА, М.Ч. КРЕМШОКАЛОВА

В спектре исторических вызовов, перед которыми стоит постсоветская Россия, едва ли ни на первом плане проблема национальной идентичности, а по сути – формирования российской нации. Справедливости ради заметим, что данная проблема не обделена вниманием науки и общества / об обществе, она уже два десятилетия остается первостепенным объектом как политического, так и теоретического дискурсов. Однако у этих дискурсов есть характерная особенность – они заострены главным образом на политику и, соответственно, базируются на социально-гуманитарных дисциплинах «политической направленности», а именно на политологии, социологии и социальной философии. А между тем, очевидно, что социально-культурная идентичность (т.е. ментальный мир и самоотнесение человека с той или иной социальной и культурной общностью) далеко не в последнюю очередь определяется языковым фактором, так или иначе детерминирующим и ментальный мир человека. Это обстоятельство, как нам представляется, особенно существенно для российской культурной ситуации. Ведь наша российская культурная история складывалась таким образом, что на протяжении веков (особенно последнего столетия), русский язык выступает как монопольный язык массовой коммуникации и повседневной практики этносов России. Естественно, возникает вопрос: как это отразилось и продолжает отражаться на ментальном мире российских (в данном случае, кавказских) этносов, в конечном итоге, определяющем как идентичность этих этносов, так и особенности современных процессов становления российской национальной идентичности. По сути, речь идет о том, как языковой фактор влияет не только на единство коммуникативного пространства российского социума, но и на сближение ментальных миров российских этносов. Ведь главные контекстные пространства бытия идентичности – это прежде всего культура и язык. Исходя из этой отправной позиции, мы полагаем, что проблематика идентичности должна относиться не только к сфере философско-политологической, но и культурно-семантической, лингвокультурологической. При этом мы имеем в виду не только лежащие на поверхности феномены, когда «малые языки» этносов далеко не всегда справляются

с отображением современной, чрезвычайно сложной и быстро меняющейся картины мира и активно призывают на помощь заимствованную лексику, русскую и европейскую. Речь идеи о том, в какой мере процессы сближения и конвергенции семантико-семиотических (а значит ментальных и культурных) миров затрагивают паремии – глубинные, консервативные имманентные культурно-языковые формы этносов, что, как нам представляется, может рассматриваться как своеобразный индикатор процессов (а может и динамики) формирования российской социально-культурной идентичности.

Паремии как мировоззренческий жанр и механизм коммуникации

Паремии относятся к числу общемировоззренческих текстов, характеризующих культуру народа, способных ограниченным количеством средств отражать особенности национального мировосприятия носителя языка. В этом контексте многие исследователи рассматривают паремии как устойчивые фразы, воплощающие народную философию и психологию. В частности, Ф.И. Буслаев определял пословицы «художественными произведениями родного слова, выражающими быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы»¹. Есть позиция, представляющая пословицу как алгебраическую формулу, которую можно использовать при решении множества конкретных задач. Подобно числовым системам, в формализованном виде представляющим всю модель мира, паремии способны отражать все культурные, ценностные представления, моделируя каждый раз определенные жизненные ситуации. Собственно, сама идея алгебраической сущности пословицы принадлежит А.А. Потебне и считается бесспорной, поскольку позволяет характеризовать данный тип устойчивых фраз как одну из разновидностей вторичных языковых единиц.

Паремии рассматриваются как тексты, аккумулировавшие в себя культуру народа, его представления о добре и зле, духовные и интеллектуальные ценности. Данные тексты особенно четко и образно отражают те области человеческого бытия и сознания, которые связаны с осознанием человеком собственной сущности, закономерностей человеческого существования, с восприятием законов социума и осмыслением его традиций, с сохранением важнейших для человека и общества ценностных категорий. Особое место паремий в картине мира предопределено

тем фактом, что в них образно, аргументированно и лаконично сконцентрировался целый комплекс культурных смыслов, накопленных данным народом в течение длительного периода своего существования. Эти культурные смыслы отражают все стороны человеческого бытия, определяют сам феномен человека, его способности понять и оценить все сущее вокруг него, умение создавать общности по определенным принципам. Особая значимость паремий заключается и в том, что они не просто выражают умозаключение относительно какого-либо положения вещей или образно характеризуют предмет с позиций народной этической и эстетической оценки, — но и «включаются в контекст в качестве вторичного мини-текста, при этом паремии выступают в роли своеобразной аллюзии (ссылки, апелляции) к целому фонду житейской мудрости (паремиологическому фонду языка)»². Используя паремии, носитель языка представляет общее стандартное (стереотипное) мнение народа, касающееся определенной социальной ситуации.

Следует отметить, что данный элемент культурно-символического мира представлен практически во всех языках, в силу чего его можно рассматривать как универсальный текстовый комплекс, передающий основные представления народа о мире и человеке в этом мире. Все исследователи, как правило, отмечают, что паремии — это изречения, выражающие народную мудрость, проверенную опытом предшествующих поколений, но обладающие семантической двуплановостью, продиктованной метафорикой текста. Метафорический код паремий, как и языка в целом, является маркированным, передающим не только характерные для языкового носителя образы и символы культуры, но и способ мышления, мировосприятия. Сравнивая разные предметы, явления, каждый народ видит его по-своему и многим частным сущностям придает характер всеобщего, универсального. Так моделируются определенные жизненные установки и моральные ценности, сформулированные иносказательными высказываниями или аллегориями («Рыба гниет с головы», «Как волка ни корми, а он все в лес смотрит» и подобные).

Важнейшим моментом в понимании, осмыслении паремий является его интерпретация, понимаемая как самая главная универсальная операция, пронизывающая духовную деятельность человека, обеспечивающая бытие человека в культуре и коммуникациях. Ее необходимость и всеобщность обусловлены, прежде всего, языковой деятельностью человека, имеющего в своем рас-

поряжении различные виды текстов. Интерпретация, как полагает Л.А. Микешина, предстает как «процедура выявления смыслов и значений, содержащихся в текстах. Особенность текста как единицы знания состоит в том, что в нем синтезируются лингвистический, семиотический, семантический и когнитивно-логический подходы к знанию, представленному в вербальной форме»³.

В философской герменевтике интерпретации, как известно, придаются культурно-исторический и онтологический смыслы, связанные с бытием человека. П. Рикер, в частности, считает, что существование достигает смысла лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, которые проявляются в мире культуры. Существование становится человеческим и зрелым лишь тогда, когда присваивает себе тот смысл, который первоначально заключался в произведениях культуры. На его взгляд, интерпретация предстает как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, спрятанного в очевидном смысле, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении»⁴. В этом смысле интерпретация паремий как знаковых единиц языка предстает как процедура неоднозначная. Процесс интерпретации тесным образом привязан к элементам, репрезентирующим определенные когнитивные и перцептивные представления и понимания. Выработанные человеком механизмы осмысления и оценки окружающего мира и общества и сопряжение его с оценкой самого человека трансформируются в творимые им же самим репрезентации. Средствами, репрезентирующими восприятие, познание, способы видения и осмысления, могут быть лексические, фразеологические, паремиологические, а иногда и макротекстовые единицы.

Носители культуры и языка всегда вступают в конвенциональные отношения, регулирующие использование тех или иных единиц для передачи определенных значений и смыслов в конкретных ситуациях коммуникации. Возможность передавать определенные оценки поведения или ситуации реализуется использованием паремий, которые способны стереотипно представить эту социальную модель или установку. Как отмечает Л.А. Микешина, — «возможность вводить конвенции и эффективно использовать их реализуется благодаря тому факту, что процесс познания осуществляется в междисциплинарном общении»³. Паремии, безусловно, выступают типичным примером конвенции.

В ходе исторического развития человеческое общество пытается создать такие устойчивые знаки культуры, которые понимались

бы однозначно всеми членами данной лингвокультуры. Для обозначения реальностей самого различного уровня недостаточно одних слов, поэтому создаются воспроизводимые устойчивые сочетания, которые аккумулируют в себя ценностные культурные смыслы. В некоторых случаях они имеют национально-культурный характер и не переводятся адекватно на другой язык. Но для носителей данного языка эти ценные единицы (среди них пословицы и поговорки) не представляют собой сложных интерпретационных текстов, поскольку их значение и смысл конвенционально определены. Подобного рода разноуровневые единицы культурного знания, не предполагающие сложных интерпретационных процессов, определены В.Г. Костомаровым и Н.Д. Бурвиковой как логоэпистемы. Разноуровневость этих единиц культурного знания относится к языковой форме и способу представления аккумулированного логоэпистемами знания, а само же значение как факт культуры относится к сфере смыслов. «Логоэпистема — это знак, который требует осмысления на двух уровнях: на уровне языка и уровне культуры. Она, таким образом, является маргинальным знаком, адекватное понимание которого предполагает ориентировку и в области кода (языка), и в области сообщаемой этим кодом информации (культуры)»⁵. Логоэпистемы во многих случаях акцентируют внимание на отдельных мелочах, которые оказываются значимыми для данной культуры. Применительно к определенной ситуации общения они используются как готовый языковой фрагмент, извлеченный из долговременной памяти народа. Таким образом, «логоэпистема — это след языка в культуре, или культуры в языке», это единица лингвокультурного пространства, без которого не возможна коммуникация как в рамках данной культуры, так и в межкультурном общении. Паремии выполняют двойную роль: создают единство коммуникативного пространства и поддерживают некий автоматизм в процессах коммуникации.

Ценностные представления и культурные смыслы в русских и кавказских паремиях

Паремии создаются как культурные знаки на определенном этапе развития общества и языка. В них сосредотачивается не только система лексических единиц данного исторического среза, но и ценностные представления, значимые для данного народа и сложившиеся на разных этапах культурного развития. Лингвистика и фольклористика, как известно, не устанавливают хронологию

создания паремий в историческом развитии языка и народа. Вопрос хронологии здесь, может быть, и не самый важный, но нам кажется, что возникновение языка как системы фонетических, морфемных, лексических и синтаксических единиц в онтологии происходит не поэтапно, а синхронно, поскольку все единицы реализуют себя в коммуникации с одновременным использованием. В этом смысле паремии во многих случаях замещают имеющиеся знаковые единицы языка и фокусируют в своем составе те представления и понимания, которые отбираются как значимые и ценностные для данного сообщества людей, определены как доминантные культурные представления.

Система ценностей в паремиях предстает как объемное, беспристрастное восприятие мира взаимоотношений и предпочтений, сложившихся в ходе развития общества. В этом плане требует определенной акцентации тот факт, что ценностные представления отбираются таким образом, что несколько столетий, а может быть и тысячелетий, они не меняют своей значимости и оценки. Во многих случаях система ценностей, отраженных в паремиях, относится к прошлому времени, но значима в аспекте настоящего и будущего как непреходящая константа. Являясь кладезем житейской мудрости, они на сей день являются сводом рекомендаций по обустройству общества и межличностным отношениям, руководством к действию, мерилom оценки поступка, а иногда, даже, помысла. Те категории, которые отражают ценностную картину мира, такие, как время, пространство, жизнь, родина, дом, труд, здоровье, счастье, вера, ум, свобода, родители, дети и другие, репрезентируются в полном объеме в первую очередь в паремиях, зачастую определяя их взаимоотношения и иерархию в системе. Они, разумеется, отражают ценности национальной культуры, соединяя их в пределах лаконичного текста и поясняя сущность одного явления через другое путем сопоставления. Такое совмещение отражает механизмы когнитивной, познавательной деятельности человека и отражено в выстраиваемых высказываниях по антитетической модели. «Противопоставления и противоположения составляют основу нашего познания, которое немислимо без элементарных операций различения и отождествления»⁶. И.А. Герасимова отмечает, что различение требует усиления явления для восприятия, и сознательно или неосознанно в текстах доходят до крайних противопоставлений. Отсюда и мысль о том, что человек познает через противоположности, сравнивая добро и зло, хорошее и плохое, красивое и безобразное. Сопоставляя и

сравнивая вещи или идеи, человек обнаруживает в них сходство и создает обобщенные абстрактные понятия.

Особенность языковых аспектов реализации противопоставления в паремии, «заключается во взаимодействии трех взаимосвязанных сторон противопоставления: как свойства когнитивного механизма языкового мышления человека; как способа вербализации номинируемого паремиологическим высказыванием смысла; как принципа языковой организации семантической структуры высказывания»⁷. Лексическими средствами вербализации противопоставления в языках мира выступают, как правило, антонимические пары. При этом, противопоставляются не сами ценности, а жизненные ситуации, в которых они проявляются: «Не отведав горького, не узнаешь и сладкого»; «Бедность учит, а счастье портит»; «Богатый — на деньги, а голь — на выдумки» и др. Известный фольклорист и лингвист Г.Л. Пермяков, заложивший основы логико-семантического анализа пословиц и поговорок, отмечал, что значением каждой отдельной паремии является «некая инвариантная пара противоположных сущностей, к которой сводится смысл употребляемых в данной пословице образов, передающих определенную житейскую ситуацию»⁸. Знаком, репрезентирующим данную ситуацию, выступает весь паремиологический текст.

Пословицы, как известно, представляют собой фольклорный жанр, содержащий одновременно поэтический и прозаический смысл⁹. Чаще всего анализируются именно прозаические смыслы паремий, так как они являются первичными ценностными представлениями. По мнению Г.Л. Пермякова, прозаических вариантов смысла в пословицах менее 1000 и более 900, хотя пословичных текстов гораздо больше, это связано с тем, что многие из них синонимичны относительно прозаического содержания. Значение и смысл пословиц в разных языках представлены инвариантами содержания пословиц, и в большей степени они носят некий универсальный характер.

Поэтому в сборниках пословиц русского и многих народов мира паремии представлены в тематических группах, совпадающих в семантических полях. В качестве универсальных смысловых миров, или смысловых инвариантов (в терминологии Ю.В. Рождественского), в паремиях можно отметить следующие: 1) семейно-родовые и соседские отношения, 2) человек и его качества, 3) методы познания, 4) умения, владения практическими искусствами, 5) различия вещей, их индентификация и классификация, 6) подготовка к поступкам, духовное состояние человека,

7) предмет поступка, сам поступок в его качествах действия на объект, 8) оценка поступка, 9) оценка человека по поступкам⁹. Представленные инвариантные смыслы отражают народные представления о морали, или «искусство жить», и репрезентированы бинарными оппозициями, но не охватывают всего многообразия смысловых инвариантов, которых значительно больше в любом языке. В «Словаре пословиц русского народа» В.И. Даля представлено 172 тематические группы, некоторые из которых имеют одно смысловое поле (например, упорство), большинство представлено бинарными оппозициями (неправда — ложь, начало — конец), а некоторая часть дана в тринарной оппозиции (смелость — отвага — трусость, тишина — шум — крик и т.д.).

Большинство инвариантных смыслов паремий мы находим и в фондах кавказских языков, что позволяет считать, что ценностные представления разных народов во многом универсальны. Отличия можно наблюдать в тех ситуациях, когда смысловые инварианты репрезентируют специфические черты национальной культуры, связанные в большей степени с духовным творчеством. Так, например, в русском паремиологическом фонде представлены смысловые инварианты «Бог», «Вера», «Грех», «Раскол», «Церковь» и др., которые представляют часть религиозной жизни общества и культуры в целом. В кавказских паремиях (независимо от религиозного вероисповедания) данные культурные смыслы не нашли широкого отражения, они встречаются крайне редко. Дело в том, что в кавказских паремиях религия занимает незначительное место, но это, разумеется, не является основанием утверждать, что она не представлена в качестве ценностной структуры общества. В противовес паремиям в других «малых жанрах» устной речи, таких как благопожелания, соболезнования, здравицы, проклятия, адресованность к Богу является важным структурным и организующим моментом текста. В здравицах, проклятиях в качестве зачина обязательно присутствует Бог, который воспринимается как виртуальный участник коммуникации, способный быть реципиентом речи. В этих жанрах Бог выступает как абсолютный и непререкаемый авторитет, вступающий в коммуникативное пространство и выполняющий интенциональные потребности общества, что типологически сродни жанру молитвы. Таким образом проявляется контрастное различие кавказских этнических культур в разных жанрах устной речи.

Пословицы и поговорки русского народа создают образ христианского Бога, обладающего рядом качеств, а само понятие

насыщено множеством смыслов. Кавказские паремии, содержащие в своем компоненте лексические единицы, передающие различные наименования языческих богов и мусульманского Аллаха непосредственной адресации к богу не содержат, их смысловые значения лежат совершенно в другой плоскости. Данное явление подтверждает, что значение паремии не складывается из значений составляющих его компонентов, а формируется всем единым культурным текстом. «В кабардинских паремиях, в отличие от русских, нет утверждений о непререкаемости воли Бога»¹⁰.

Религиозные представления реализуются в кавказском паремиологическом фонде не очень убедительно или в большинстве случаев репрезентируются негативной оценкой деятельности служителей религии. Представленные в Словаре В.И. Даля паремии «Ни отец для детей, как Бог до людей», «Богу молиться – вперед пригодится», «На Бога молишься – не обложишься» и некоторые другие позволяют утверждать значимость Бога в культурном сознании русских, что он ставится выше других ценностей. В то же время русская пословица предупреждает, что во всем уповать на Бога и бездействовать нельзя: «Богу молись, а в делах не плошись», «На Бога надейся, а сам не плошай», «Богу молись, а к берегу гребись». В кавказском паремиологическом фонде нашла отражение именно та мысль, что во всем положиться на Бога нельзя, а надо действовать самому: карачаево-балкарская – «Если сам не в состоянии сдержать себя, то и от бога толку нет», кабардино-черкесская «Надеясь на Аллаха, не откладывай свои мечты», лакская «Сначала осла привяжи, а потом поручай богу». В некоторых паремиях отмечается, что активность человека поддерживается Богом и строится совместно с ним: «И бог приумножит только то добро, куда вложен человеческий труд» (кабардино-черкесская).

В народной мудрости Кавказа, как это ни парадоксально, практические ценности бытия стоят выше религиозных, что подтверждает аварская пословица «Кошка ловит мышку не ради Аллаха, а ради брюха». Мы можем добавить, что переложение народной морали и нравственных ценностей на религиозную почву в паремиях не нашло своего отражения. Ценности религиозные признаны и существуют как часть ментальной культуры, но перемиологическая парадигма не позволяет менять стереотипные речевые штампы. Адаптация и синкретизм не противоречащих друг другу народных и религиозных ценностей в исследуемых фольклорных текстах не представлены, видимо, потому, что сложились в разные исторические периоды и имеют

различный «генно-культурный аттрактор» или «эйдос общности» (И.А. Герасимова).

Следует отметить, что религия как абсолютная ценность в большинстве случаев отождествляется с людьми, которые обслуживают религиозные обряды, – муллами, эфенди и другими служителями религии. В кавказских паремиях муллы представлены отрицательными образами: «Мулла знает «давай», но не знает «возьми», «Совмещает хадж и торговлю» (кабардино-черкесская), «Когда мулла милостыню дал, черт на зурне заиграл», «Мулле взятку дали – и овчарку на кладбище разрешил похоронить» (чеченская), «При виде халвы мулла забывает бога» (аварская), «Глухому – не страшно, мулле – не стыдно» (табасаранская), «Если мулла соблазнит мать, то кому жаловаться» (кумыкская), «Подал мулле руку – проверь кольцо: цел ли камень?» (даргинская). Таким образом, прагматический и рационалистический аспект пословиц реализуется в тех ситуациях, когда на отрицательных примерах паремия «воспитывает», человеческие пороки трактуются в соответствии с национальной традицией и есть возможность избежать ошибки в житейских ситуациях. Никаких элементов религиозного фанатизма и экстремизма в народной мудрости Кавказа по паремиям невозможно обнаружить. Они не представлены даже единичными экземплярами, поскольку, как уже выше было отмечено, не занимают определенного места в системе ценностей, а наоборот, отторгаются логикой народных представлений.

Подчеркнем еще раз, что, моделируя определенные жизненные ситуации и правила адекватного поведения, паремии создают стереотипный код культурной общности. Стереотипные клишированные тексты описывают реальность упрощенно и схематично, передавая значимые, приоритетные представления. Но вместе с тем стандартные мысли наталкивают рождение нестандартных, вполне возможно, более детальных, а иногда и нелогичных смыслов. В этих случаях, по мнению Греймаса, на всякую пословицу должна быть другая, противоположная, например, осетинские: «Сделай добро – и добро найдешь», «Сделай добро – и получишь зло!»; «Злодею отвечают злом», «Кровь кровью не смывают, на удар ударом не отвечают», русские: «Кровь кровью смывается», «Крови и кровью не смоешь». Данные пословицы отражают многополярность мира и нестандартность человеческого сознания, его многогранность и многомерность. Как отмечают многие исследователи, паремии отражают человеческий опыт, не-

однозначный по своей природе, противоречивость человеческого менталитета и дифференциацию ценностных представлений различных слоев общества. Многие когнитологи подчеркивают возможность по-разному рассматривать одну и ту же житейскую ситуацию, а также допускают закономерность существования различных моральных ценностей и правил.

В паремиях многие ценностные представления передаются константами культуры. Специфическими русскими признаются такие культурные константы, как «Воля», «Свобода», «Тоска», «Авось», которые в тематических группах кавказских пословиц и поговорок не нашли достаточного отражения. Но их репрезентация в паремиях не всегда однозначна, так ценность свобода выражена в паремиологическом фонде русского языка достаточно противоречиво. Основными причинами этого являются: «1) сложная философская основа понятия «свобода», отраженного в национальной языковой картине мира в соответствии со всем многообразием культурно-исторического опыта осмысления данной категории; 2) дискуссионность в паремиологической оценке категории свободы, обусловленная такими чертами национального менталитета, как категоричность, компромиссность, догматизм и авторитаризм мышления. Весьма значительным кажется и слабое присутствие в данном понятии сакрального компонента содержания»³. Паремиологические репрезентации дают такую картину, что свобода не является, как это априори кажется, категорией духовной культуры, а в большинстве случаев соотносится с обыденным материальным миром и жизненными ситуациями. В кавказских паремиях «воля» встречается крайне редко, но ее ценность от этого не становится меньше. Интересно отметить, что в аварской пословице «Богатеть бы – от поля, умереть бы – на воле» именно данная ценность проецируется на жизненную установку.

Большая часть пословиц строится по определенным моделям, которые в разных языках имеют различное лексическое наполнение. Так, ценность Родины и непринятие чужбины представлены паремиями разных языков Кавказа следующим образом: «Родина – рай, чужбина – ад» (аварская); «Вернулся на Родину, вернулась вера» (лезгинская); «Лучше смерть на Родине, чем привольная жизнь на чужбине» (чечено-ингушская); «Чем в чужих краях быть падишахом, лучше у себя на Родине быть пастухом» (осетинская); «Кто не любит свою отчизну, тот не любит и своего отца» (карачаево-балкарская); «Собака и та своего села не покидает» (кабардино-черкесская).

Впрочем, многие пословицы и поговорки различных народов семантически сходны (адекватны) между собой, а некоторые из них совпадают не только по содержанию, но и по своему внешнему оформлению. В научной литературе термин адекватность употребляется как синоним моноэквивалентности. Так, например, адекватными можно считать следующие паремии с одним инвариантным значением: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе» (русская), «Лучше сегодня курдюк, чем завтра баран» (аварская), «Лучше сегодня суп, чем завтра каша» (табасаранская); «Сапожник без сапог» (русская), «Башмачник без башмаков ходит», «Кузнец без ножа (топора), а плотник без дома» (осетинская), «Часовщик без часов» (карачаево-балкарская), «Кожевник остался без плети, а плотник без топорща» (кабардино-черкесская), «Кто кормит весь аул, сам с голоду умирает» (абазинская), «Кинжальный мастер — всегда без ножа» (лезгинская). Но особенность данных паремий заключается в том, что на их основе народы дают вариативные смыслы, соотносимые со специфическим мировидением, отражают те направления деятельности, которые специфичны в данной культуре. Разнообразие ремесел на Кавказе, особенно в Дагестане, где в каждом селе свой промысел, дает картину проекции культурных смыслов, создавая при этом своеобразную номенклатуру профессий и их образное переосмысление в народных изречениях.

В иерархии систем ценностей одно из ведущих мест занимает труд (работа), сопряженный с терпением: «Терпенье и труд — все перетрут» (русская), «Труд и терпенье превращаются в золото» (лакская), в карачаево-балкарских паремиях «Труд — радость жизни» и «Труд — мать счастья». Значимость труда, его ценностное определение связано с тем, что именно благодаря ему накапливаются материальные ценности, человек нравственно формируется и получает достойную оценку: «По работе и работника знать», «Не потрудиться, так и хлеба не родится» (русская), «Человек познается в труде», «Кто не пашет землю, тот не разбогатеет» (карачаево-балкарская), «Без труда ничего не достается», «Труженику не до спеси» (осетинская), «Человека украшает его труд» (кабардино-черкесская). Вместе с тем, труд — тяжелое занятие, которое связано с усердием, напряжением, физическим мучением: «Достаток достигается только кровью и потом» (ингушская), «Жизнь состоит из труда и борьбы», «Над чем не попотеешь, тем желудок не насытишь» (осетинская), «Старание дает благополучие» (лакская), «Горька работа, да хлеб сладок», «Работай до поту,

так поешь в охоту» (русская). Поскольку народы Кавказа, как и России, в основном занимались земледелием и животноводством, в паремиях переданы логемы, определяющие значимость работы в весенне-летний пору: «Один летний день зимний месяц кормит» (чеченский), «Если не дать летом закипеть мозгам, зимой не закипит котел» (лакская), «Весной не посеешь – осенью не пожнешь», «Кто спал весной, тот плачет осенью» (кабардино-черкесская), «Летом проспшишь, зимой корова подохнет», «Не загорит спина летом под солнцем, не согреется зимой живот от вина» (аварская), «Весной день долог, да нитка коротка» (русская).

Если в паремиях труд почетен и он благо, то лень (безделье) представляется как зло: «Труд человека кормит, а лень портит» (русская), «Лень – удел врага», «Лень – враг человека», «В безделье почета нет» (осетинская), «Кто ленится жать пшеницу, тот будет добывать камень для других» (чеченская), «Труд – отец удачи, а лень – ее мачеха», «Труд – дорога к достатку, а безделье – к беде», «У лентяя и дом кособокий» (кабардино-черкесская). В то же время допускается в некоторых случаях дихотомия, что везение может быть и на стороне пассивного: «Нерасторопному хозяину чаще попадается дичь», «Счастье летало, летало, да в рот ротозею попало», «Хромой козе ветер корм приносит» (осетинская), «Птица ни сеет, ни орет, а сыта живет» (русская).

Таким образом, паремиологические смыслы в русских и кавказских текстах, репрезентирующих значимость труда через работу, дело как форму жизни противопоставлены лени, праздности как нравственно разлагающим, приносящим бедность и разорение. Таким образом, культура общества и для русского, и для кавказских народов начинается там, где человек работает, осваивает обитаемое им пространство.

Впрочем, если довериться миру паремий, то кавказскую и русскую культуры можно рассматривать как динамичные, действенные практики, противопоставленные восточным созерцательным практикам. В русских паремиях долгому обдумыванию дела предпочитается быстрое действие: «Удалой долго не думает», «Раздумье на грех наводит», «Долгая дума – лишняя скорбь», «Чем думать, так делай!». Умение меняться в ногу со временем, быть гибким манифестируется в паремиях: «Не старайся всегда для себя, как мотыга; не старайся всегда для других, как тяпка; будь с людьми и так и сяк, как пила» (чеченская), «Носи шапку на тот манер, на какой все люди носят» (осетинская), «Движение – счастье юноши, покой – счастье девушки» (ингушская), «Стоя-

чая вода быстро портиться», «В стоячей воде много насекомых» (абазинская), «Живущий в ногу со временем – настоящий мужчина» (кабардино-черкесская), «Одевайся так же, как те, с кем водишься» (адыгейская), «Тихому не верь, быстрого не бойся» (чеченская). Но в пословицах «быстрый» не значит «торопливый», последнее качество в паремиях единодушно осуждается: «Торопливость душу взяла, терпение – гору взяло» (чеченская), «Слишком резвый у цели плачет», «Добрая медлительность лучше худой торопливости» (осетинская), «Поспешишь – удержишься больше» (кабардино-черкесская), «Поспешишь – людей насмешишь» (русская), «Торопливая муха в молоко падает», «Торопливый себя изведет, неторопливый дело завершит» (карачаево-балкарская), «Торопливая речка до моря не добежит» (даргинская), «Тише едешь – дальше будешь» (русская).

Разумеется, мы не ставили и не ставим перед собой задачу рассмотреть все культурные ценности и смыслы, представленные в паремиях – это невозможно сделать в рамках одного исследования – но в некоторых базовых ценностях, которые были выше представлены, мы обнаружили аналогичные смыслы, примерно равнозначные приоритеты. Наши результаты позволяют утверждать, что русские и кавказские культурные смыслы и ценности морфологически близки, а в некоторых случаях тождественны, хотя нельзя отрицать наличие специфических национальных и этнических особенностей.

Синтез культурных смыслов в современном поликодовом пространстве

Многие пословицы и поговорки, в самом деле, создаются по определенным моделям, которые имеют различное лексическое наполнение. «Наличие таких логических структур объясняет, почему у разных народов, территориально отдаленных друг от друга, существуют очень похожие пословицы»¹¹. Исследователи считают похожие по смыслу паремии типа: «И ежу его ежата кажутся гладкими» (корейская), «Вороне ее детеныши кажутся белыми» (кабардино-черкесская) не заимствованными, а созданными по одной логической модели, реализующей международные мотивы устного народного творчества.

В паремиологии вопрос заимствований всегда занимает особое место, поскольку они имеют место почти во всех языках, если народ не проживает в изолированном анклаве, что в современном мире почти невозможно. Вся европейская культура

в той или иной степени тесно переплетена и синтезирована в силу того, что исторически на этой территории существовали государства-империи, объединявшие множество народов в одно цивилизационное пространство. Единая государственная политика и нравственные ценности, выработанные для всех граждан империи, создают некоторые универсальные культурные смыслы и ценности для всех этносов, объединенных в государстве. Вместе с тем многие культурные реалии переходят от одного народа к другому в силу соседства, совместного проживания, если, конечно, они не противоречат системе ценностных представлений народа. Подобное явление имеет место и в культурах российских этносов, в частности, русского и кавказских народов.

Взаимопроникновение культур и языков приводит естественным образом к заимствованиям пословиц или их калькированию. В частности, как отмечают специалисты, в русском паремиологическом фонде много заимствований из европейских и некоторых других языков, а в кавказских мы может отметить заимствования из русского, например, даргинская «Рыба гниет с головы», осетинская «Волка ноги кормят», чеченская «Ученье – свет, неученье – тьма», «Пеший конному не товарищ» и многие другие. Во многих случаях заимствованные паремии творчески перерабатываются народом, придавая им некоторые другие оттенки смысла: «Не буди спящего медведя, не серди бесстрашного мужчину» (абхазская), «Дареному другом коню в зубы не смотрят», «Горбатого могила исправит», «Кто козу съел, у того голова (шапка) горит» (чеченская), «Рубаха ближе к телу, чем шуба» (даргинская). Добавление слова или неожиданное продолжение порой дает паремии уже другую семантику при сохранении общего смысла. Примером семантического преобразования может быть лакская пословица «Рука руку моет, а обе – лицо». Присоединение второй части «снимает налет ироничности, свойственный русскому варианту, а вся пословица приобретает значение необходимости взаимного содействия»¹¹.

Русско-кавказская культурная интерференция, имеющая место в паремиях, наблюдается в двух плоскостях: между русскими и кавказскими, с одной стороны, и между кавказскими пословицами, с другой. Например, паремия «Яблоко от яблони недалеко падает» представлена во всех исследуемых лингвокультурах, а «В неначатом деле скрыта змея» или «После дождя бурку не одевают» присутствуют во всех кавказских фондах пословиц, и каждый народ использует его как свою паремию.

Некоторые зарубежные исследователи, в частности А. Дандис, отмечают, что пословица представляет собой интернациональное явление, переходящее из одного языка в другой. Мы не можем полностью согласиться с данной концепцией, поскольку такие переходы не столь и часты, а с другой стороны, они происходят достаточно осмысленно в определенных культурных контекстах и на определенных этапах развития общества.

Важным культуuroобразующим моментом надо признать язык, на котором говорят представители этноса в многоязычном государстве. Если для европейской территории долгое время государственным языком служил латинский язык, то для кавказских народов такую роль выполняет русский язык. Несмотря на то, что законодательно государственными языками субъектов РФ являются титульные языки, все коммуникативное общение в основном осуществляется на русском языке.

Изложенное, на наш взгляд, дает основание заключить, что русский язык, который на протяжении веков выступает как язык межэтнического общения, уже действует в режиме некоего «автоматизма» — создает и поддерживает единство и общность коммуникативного пространства российского социума, сближая ментальные миры российских этносов, интегрируя их культуры и таким образом формируя общее цивилизационное пространство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Буслаев Ф.И.* Русский быт и пословицы // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1. Русская народная поэзия. — СПб., 1861. — С. 80.

² *Семенов Н.Н.* Отражение ценности «свобода» в паремиологической картине мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4. — С. 716 — 719.

³ *Микешина Л.А., Опенков М.Ю.* Новые образы познания и реальности. — М.: РОССПЭН, 1997.

⁴ *Рикер П.* Существование и герменевтика // Феномен человека. Антология. — М., 1993.

⁵ *Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г.* Единицы культурного знания в языковом воплощении // Язык как материал смысла. Сборник статей в честь академика Н.Ю. Шведовой. — М.: Азбуковник, 2007. — С. 462 — 471.

⁶ *Герасимова И.А.* Единство множественного (эпистемологический анализ культурных практик). — М.: Альфа, 2010.

⁷ *Юсупова З.А.* Языковые аспекты реализации противопоставления в паремии: На материале французского, английского и русского пословиц и поговорок. Автореферат дисс. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. — Уфа, 2005.

⁸ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988.

⁹ Рождественский Ю.В. Введение в культуроведение. – М.: ЧеРо, 1996.

¹⁰ Балова И.М., Кремиокалова М.Ч. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях. – Нальчик, 2009.

¹¹ Гвоздарев Ю.А. Свод народной опытной премудрости // Пригоршня жемчужин. Пословицы и поговорки народов Северного Кавказа. – Ростовский университет, 1988.

Аннотация

В статье предпринята попытка на основе сопоставительного исследования паремий проследить тенденции сближения смысловых миров русской и кавказских культур. Выявлены и механизмы интерференции их смысловых миров, а также универсальные и национальные черты в культурных текстах.

Ключевые слова: смысл, значение, картина мира, ценностные представления, культурные коннотации, интерференция, синтез, коммуникативный код, коммуникативное пространство, идентичность, российская идентичность.

Summary

In the article an attempt is undertaken on the basis of comparative research of proverbs to trace the tendency of bringing together the meaning of words of Russian and Caucasian cultures. Both mechanisms of interference of their sense of worlds as well as universal and national characters in cultural texts were brought to light.

Keywords: sense, meaning, world picture, valuable ideas, cultural connotation, interference, synthesis, communicative code, communicative space, identity, Russian identity.